

Николай Успенский

Старуха

Николай Успенский
Старуха

«Public Domain»

1871

Успенский Н. В.

Старуха / Н. В. Успенский — «Public Domain», 1871

«...Был сентябрь в исходе; вечерело; шел дождик. В середине села Горемыкина, перед грязным мостиком с изломанными перилами, по ступицу в грязи стоял длинный обоз с рогожами. От усталых лошадей валил пар, некоторые из них встряхивались, громяхая уздами и бляхами на шлеях; иные вытягивались, перекашивали свои челюсти и заносили морду вверх, чтобы вытянуть из переднего воза торчавший клоч сена...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Николай Васильевич Успенский

Старуха

Был сентябрь в исходе; вечерело; шел дождик. В середине села Горемыкина, перед грязным мостиком с изломанными перилами, по ступицу в грязи стоял длинный обоз с рогожами. От усталых лошадей валил пар, некоторые из них встряхивались, громыхая уздами и бляхами на шлеях; иные вытягивались, перекашивали свои челюсти и заносили морду вверх, чтобы вытянуть из переднего веза торчавший клочок сена; а иные уныло посматривали на постоянные дворы, от которых неслись хриплые голоса дворников¹, сидевших на крылечках в нагольных тулупах: «Ночевать пора, ночевать!»

Извозчики, стоявшие по бокам обоза, молчали. Из дворников никто не двигался с места и не решался подойти к ним, понимая всю важность пропасти, утвердившейся на улице. Наконец, спустя немного времени, один из них, с рыженькой бородой, соскочил с своего крыльца и, хляская ногами, подбежал к извозчику.

– Что же?.. Пожалуйте, – заговорил он, – просим милости; двор просторный, чистый, никого нет... изба теплая – с трубой.

И дворник показал на трубу.

– Овес почему? – спросил один извозчик.

– Лишнего не возьмем, – произнес дворник. – Поворачивайте.

– Да что поворачивать... ты скажи, овес-то почему?

– Экой чудак! думает, что его тут облупят. Ну, обыкновенно, семь гривен; поезжай куда хошь – везде равно.

– Нет, не равно: в Яшках небойсь мы платили по шести.

– То в Яшках, а то здесь, – продолжал дворник, – разя мы строим? чай, бог. Трогайте, ребята... любо будет.

– Да Яшки-то отсюда всего десять верст; в Камчатке они, что ли?

– Ну будет толковать: шесть гривен и я возьму; да уж овес какой, парень! истованное золото. Задвигайте.

– Задвигать-то задвигать, – произнес другой извозчик, снимая шляпу и почесывая виски, – да раненько.

– Какой раненько? ночь на дворе. Нешто дальше поедете?

– Неужли ж тут останемся? десять верст отъехали, да и ночевать? – подхватил третий извозчик.

– В гибель такую... – покачивая головою, говорил дворник, – разя не видишь, что это такое? каторга... давеча один купец бился, бился, – так и остался у меня ночевать.

– Ты нам не указывай, мы знаем без тебя...

– Как знаете... А куда, примерно, трафите?

– В Калугу.

– Подряду везете?

– Подряду.

– А то задвигайте, ребята: ночью прихватите, не совсем ладно; грязь, слякоть... упаси господи.

– Эй, Петруха, трогай! – раздался голос сзади обоза.

¹ Дворник – здесь: хозяин постоянного двора.

– Пехра², пропади вы совсем, – забормотал дворник, направляясь к двору. – Только знает, как бы погодить, набить цену. Поезжай! Авось держать не стану... калянется, как ахремовский мужлан.

Обоз тронулся. Дворник, взошедши на свое крыльцо, увешанное лаптями, котелками и большими кусками сырой баранины, принялся обчищать лучинкой сапоги. На лавочке, облокотясь на резные перила крыльца, сидел купец в калмыцком тулупе, покрытом синим сукном, и курил сигару.

– Грязненько, – сказал купец, глядя на сапоги дворника.

– Есть... – помолчавши, произнес последний. – Народец, пропасти на вас нет... выбежишь – думаешь: будет прок; а он почешет с тобой зубы и завернет рыло на сторону.

– Русский мужик любит покаляниться³, – проговорил купец и отплюнул в сторону.

– Еще как любит-то: иную пору ломается, ломается, из себя выйдешь. – «Фаддей Семенович! хоть трыночку сбавь, хоть грошик...» А не знает, что тут грошика если не возьмешь, – разоришься, кругом разоришься; а для меня таперича он копейку, другой копейку... говорится пословица: «С миру по нитке...» Эко грязь, притка тебя возьми... никак не отскоблишь.

– Это справедливо, – сказал купец, закинув одну ногу на другую. – Вот теперь, куда ни поверни, наш брат то же самое...

– То-то и есть, – приподнявшись, заговорил дворник – эhti-xти... век жить – не орех грызть... что это зачерствел как ситник-от? надо отдать его распарить – работники съедят, – заключил он, снимая с полки хлеб.

Купец молчал.

– Вы где спать будете, Иван Осипыч? – спросил его дворник. – Если угодно, так на сеннике; там важно...

– Нет, признаться, я боюсь на сене спать: говорят, в нем бывают разные веретеницы и казюльки всякие. Оно, может статься, и впрямь: обыкновенно, сено, значит, привозят с лугов; а на лугах, бывало, ходишь, сколько их под ногами!.. кишмя кишат...

Купец отплюнул.

– А мы вот всё на сеннике бесперечь... и то сказать, как намаешься день-то, забудешь про веретениц и про все...

– Где-нибудь лягу, не беспокойтесь.

– Да у нас, слава богу, есть где лечь, окромя сенника: дом, кажись, не маленький... Чушь, куды, куды, гладкая, чу-ушь!.. – завопил вдруг дворник на свинью, которая из сеней заносила свою ногу на крыльцо. Через минуту свинья и дворник скрылись в сенях за дверью.

Купец погладил свою бороду.

– Здравствуй, касатик, – всходя на крыльцо, произнесла какая-то старуха с мутными впалыми глазами, одетая в дырявый зипун и повязанная истертой, мокрой тряпицей.

– Здорово, *бабка*, – сказал купец.

Старуха молча вынула из-за пазухи красную деревянную чашку, поставила ее на лавку и, покряхтевши, села.

Дождик усилился; с повети потекли ручьи; загудела подставленная к крыльцу кадушка. На улице с мокрым платком на шляпе быстро проехал мужик в порожней телеге, от которой летели в разные стороны брызги; под крыльцом брехнула собака и с визгом заежилась от пробиравшегося к ней дождя.

Купец запахнулся полою тулупа.

– Эк, какой полил!.. – сказал он, глядя на дорогу.

² Пехра – мужичье (обл.).

³ Каляниться (или калячить) – канючить, докучать (обл.).

– Да; так и хлещет, – заговорила старуха. – Теперь других мужичков застанет в поле... ишь, зги не видать... Как бы, избави господи, хлебушек не погрел. Старуха вздохнула.

– Ты чья? – спросил ее купец после небольшого молчания.

– Да я здешняя, кормилец, – горемыкинская; а живу за этой слободой, туда... назади, недалеко от этой церкви. Можя, когда проездом видел нашу слободу; барский дом там стоит... высокий, каменный; в нем никто не живет.

– Отчего ж так?

– Да барыня-то наша в Москве.

– А при вас, значит, управитель или староста?

– Управитель и староста – оба.

Купец и старуха помолчали.

Из сеней отворилась дверь, и на крыльцо вошла толстая высокая дворничиха, во всем ситцевом.

– У! какой... – глянув на дождь и сморщившись, произнесла она.

– Да, хорош; дробен дождик... – проговорил купец, доставая из пачки сигару.

– Здорово, Кузьминишна! – сказала дворничиха приподнимавшейся старухе. – Что ты?..

– Да все к тебе, родная моя; вот творожку пришла попросить ребятенкам: голодают ни на што не похоже... не откажи, матушка, – кланяясь, говорила старуха.

– Ладно. Я вот подою коров, кстати и молочка дам.

– О кормилица ты наша! дай бог тебе здоровье! Век буду молить.

– Не видали тут нашего малого? – перебила дворничиха, обращаясь к купцу.

– Он давеча лошадей вел на реку поить.

– Пропал, шельмец, – пробормотала она и, повернувшись, ушла в сени.

Купец закурил сигару.

– Ай у вас коров-то нет? – спросил он старуху.

– Да нетути, сударик, – третий год никак не обигорим коровенки; телочка одна... восьмой месяц пошел с сердохрестной⁴ недели.

– Не на что, видно, купить?

– Вестимо, не на што: живу в чужой семье, кормилец, с своей невесткой; бедность...

– В чужой семье?

– В чужой, родимый, – жалобно произнесла старуха.

– Отчего так?

– Да двух сыновей отдали в солдаты, касатик мой; старик помер, невестка вышла за другого, – осталась я одна; меня и перевели в их семью. Колочусь теперь с малыми ребятенками. Просилась было на птичный двор, – приказчик не позволяет, говорит: без тебя птичницы есть.

– Гм... А за что, примерно, сыновей отдали?

– Да кто знает, кормилец... отдали – и все тут. Одного, младшего-то, полагать надо, отдали за дело; а другого – как есть ни за што, так-таки ни за што, родимый мой.

– Ну, верно, качества какие-нибудь строил?... За какое дело младшего отдали?

– Вишь... как бы тебе сказать... да если бы старшего не отдали, и младший не пошел бы.

– Каким же манером?

– Да так, касатик.

– Ну, за что старшего отдали?

– Я тебе баяла, желанный мой, что ни за што, вот как есть ни за што: диви б мужик был плохой, а то работающий мужик-то; бывало, чего-чего он... – на все горазд: и плотничал и того... санки ли сделать, другое ли что... Без него мы были как без рук. Опосля он бросил все, ничем не стал заниматься, это перед солдатчиною-то: ходит как помешанный; а то пропадает,

⁴ Сердохрестная – то есть средокрестная, четвертая неделя великого поста.

уйдет куда ни на есть, неделю целую не показывается домой, – да что я? больше недели; вот словно чуял... вестимо, не перед добром...

Старуха понурила голову и вздохнула.

– Вишь ты, – снова начала она, – это было Михайловым днем⁵: женили мы его; сыграли эту свадьбу; глядь-поглядь, примечаем: молодая, жена-то его, – красивая была, бог с нею, баба, – его недолюбливает и так совсем вот не ластится. А он, сердечный, был на лицо не совсем гожа: оспа, еще когда он был махоньким, всего изуродовала. Да ведь и то сказать, кормилец, что не родись хорош-пригож, а родись счастлив. А он, голубчик мой, соколик ясный, родился непригож, да и несчастлив.

– Так, так, – вникая в слова старухи, сказал купец.

– Все ничего. Ну, она это, значит, его недолюбливает; уж видим все, что недолюбливает: за обедом ли сидит... хоть бы те одно слово промолвила. Он к ней там зачнет: «Что ты, Варвара Борнсьевна? – ее звали Варварой, – что ты невесела?..» – кусочек ей подложит. Он ее любил и уж н-и... вот как любил! перед богом... А она, касатик, все нет, да и на поди... такая мурогая завсягды. Вот как обжились они, Петруша, – его звали Петрушей – начал следить за ней: нет ли, дескать, на сердце кручинушки али зазнобушки, не любит ли она кого. Подмечает раз, другой – все нет... и виду никакого... на работе такая же, как и дома. Ну, тем и кончилось, что нет да и нет. Вот раз к нам приходит староста и говорит... дело было летом... «Петр Семеныч, говорит, – это приказчик, – велел вашей Варваре собираться на барский двор, и муж, говорит, пускай придет с ней». Думаем промежду себя: «Зачем это?» У нас о ту пору все были дома, и она и Петруша. Старик говорит: «Что ж? сходи, Петруша; за чем-нибудь понадобился; авось он тебя не съест». Петруша надел зипун, собрался это: «Ну, говорит, Варвара Борисьевна, пойдем прогуляемся»; шутник был, голубчик мой. А она на него так и зевнула: «Да ступай, говорит, лихоманка тебя возьми», и черным словом его... «Ступай один; без тебя дорогу знаю». Старик в это время ковырял лаптенки, сидел на конике⁶; обидно ему, стало быть, показалось; да как же не обидно? грубая... известно, баба, кормилец. Сидел, сидел, жалко ему стало Петрушу, да и молвил: «Когда ты, Варвара, будешь умна, за что всегда зычишь на него? иной бы тебя, говорит, чем ни попадя...» – и побранил ее. Она невзлюбила: должно, не по нутру... накинула зипун, повязала платок писаный, – она все в писаных ходила, – и хлопнула что ни есть мочи дверь. Старик мой покачал, покачал головой – и только. «Жалко, говорит, Петрушу, – смерть жалко!..» Вот они ушли к приказчику, а мы ждем; помню, я тут качала на обрывке ее мальчика, это невесткина-то: сижу... качь да качь... Смотрим, приходит он один уж перед вечером.

– Так. А вы всё поджидали?

– Да, а мы всё поджидали. «Ну, Петруша, зачем?» – спросили мы. «Да что, говорит, приказчик оставляет Варвару на кухне работницей; ласково таково со мною обошелся: „Я, говорит, с твоего согласия... если не хочешь, как хочешь; у меня ей будет хорошо; я хошь платы не положу, зато от работы ослобоняется. Известно, когда понадобятся ей деньги, я дам и деньжонок; платок коли куплю“». Мы подумали... «Что же, говорим, отчего не так? Приказчик, знамо, если захочет, и так возьмет ее к себе – насилкой; а коли добрым словом молвил, так и быть по сему; хошь одна баба была в доме, да ведь и при ней-то, подумали мы, не красно было: иногда сердце изнывает, гляючи на ее грубости». – «Если ты, Петруша, – это говорит старик, – соглашаешься, так, пожалуй, и мы согласны. – „Отчего же, говорит, не согласиться! Я рад, что ей это по ндраву; почему что, когда мы выходили от приказчика, она на меня: „Живи, говорит, Петька, да не тужи“, – это она-то ему, – и ухмыльнулась... Она его все Петькой называла. „Что ж ко мне, Варвара Борисьевна, часто будешь ходить?“ – спросил он ее. Она опять засмеялась, да и сказала: „Разя на деревне баб мало, окромя меня?“»

⁵ Михайлов день – 8 ноября по старому стилю. Мурогая – мрачная (обл.).

⁶ Кошик – крытая лавка в избе; обычное место хозяина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.